

Империя страсти: писки шоуфьюрера

Николай Фоменко, впервые появившись на экране в качестве ведущего игры «Проще простого», сразу же выделился тем, что не лез за словом в карман. Он хохмит на ходу, легко и раскованно. Гримасами и непринужденностью напоминает безвременно сошедшего с экранов Дмитрия Диброва, но экранное лицо Диброва было его собственным лицом, то есть зеркалом души, тогда как Фоменко, как выяснилось, носит экранные личины.

Личина — нечто промежуточное между лицом, которое у человека по определению одно, и маской, которая свободно снимается и надевается. Маска — нечто застывшее, не совсем живое и отделенное от личности того, кто ее надевает. Масками пользовались, например, Райкин, иногда демонстративно меняя их прямо на сцене и всегда снимая в конце спектакля, чтобы явить зрителю свое настоящее лицо, обычно усталое и невеселое.

Появлением экранной личины мы обязаны, вероятно, ведущему «МузОбоза». Тип в черных очках, с квадратными плечами и еще более квадратными челюстями, похожий на манекен-автомат, — это не Иван Демидов, вернее, не весь Иван Демидов. Но это не роль и не маска. Это прежде всего воплощенная мечта тысяч молодых людей с комплексом неполноценности. Образ Победителя Жизни. Чтобы его создать, Демидову понадобилось только перевести во внешний план свое представление о себе.

У Фоменко не одна, а множество личин, но все они — и крутой мэн из «Империи страсти», и персонажи всмятку, что выступают в «Русских гвоздях», — не более чем гримасы одного и того же лица самого Николая Фоменко.

Во всех проектах он использует свое главное оружие — умение хохмить, точнее, стебаться. Стеб на наш телеэкран принес Сергей Шолохов, однако у него стеб утонченный и, если угодно, «высокий». У Фоменко стеб грубоватый и «низкий», хотя не без культурных корней, о которых он может и не подозревать. Скажем, у Зощенко многие рассказы, написанные гротескным языком, имитирующим бытовую речь полубразованных горожан. Эта литературная аналогия более отчетлива в радиоварианте «Гвоздей», где в распоряжении ведущего только голос. Здесь персонаж, от лица которого выступает ведущий, не имеет социально-профессиональной принадлежности, он — некий усредненный «человек из низов», стебающийся над исполнителями песен, но использующий для такой некультурной речи.

Обычно он исходит из одной-двух выхваченных из контекста песни цитат. Берется, скажем, куплет: «Последний писк, до полного прикола. Иду на риск — живу на грани фолла. Видала я немало, знакоюсь, с кем попало». Комментарий: «То есть, писков много, раз есть последний. Видимо, целая очередь со своими писками стоит. Ну, представьте себе, стоят десять мужиков и у всех заржен последний писк, и она берет и наобум выбирает последнего. Конечно, это опасно!»

Хотя Фоменко цитирует старый перифраз Сяте: «Оставь одежку, всяк сюда входящий», его «Империя страсти» по откровенности далеко не только до исходного фильма, но и до некогда популярной игры «в бутылочку» на то же разведение. Мы имеем дело с забавой, в которой выражение напрочь подавило содержание.

Ведущего этой программы хочется назвать шоуфьюером. На определение наталкивает архаическая брутальность этого фоменковского облика, прообраз которого, мне кажется, Пресли, но не юный, а погрузневший Элвис семидесятых. Умеренное сходство внешностей усиливается тем, что Фоменко иногда берет гитару и выкрикивает что-нибудь «роковое».

Участники этой передачи — не состоящие в браке молодые люди лет до 25, которым хочется посветиться на экране, показать раскованность и физические достоинства, познакомиться с телом противоположного пола и получить интересные предложения. Возможно, в желании публично раздеться есть доля эксгибиционизма.

«Империя страсти» — шоу для мужчин: женщины, пардон, «любят ушами», и зрелище мужского тела для них не столь привлекательно, как для мужчин лицемерие женского. По условию игры, участники раздеваются «до трусов». Трусы — последний фигурный листок, сорвать который не осмеливаются даже смельчаки из НТВ. Однако, что мужчине психологически гораздо легче (или вовсе ничего не стоит) — так это об-

нажаться до трусов. Женщине сложнее: от нее требуется обнажить грудь, что считается непристойным. Феминисткам имело бы смысл возмутиться подобной дискриминацией своего пола и потребовать от организаторов шоу раздевать мужчин не до трусов, а до носков, ибо нет ничего более нелепого, чем голый мужчина в носках.

«Игроки» на этом поле почти бессловесны и почти всегда неловки, так что контраст между ними и словоохотливым и пластичным ведущим достигает астрономической величины. И пока они раздеваются в прямом смысле, он раздевает их еще и в переносном, демонстрируя их полную языковую беспомощность. При этом сам ведущий вполне пародирует (чего стоит одно «хо-хо!», позаимствованное у людоедки Элочки). «Приколы» здесь наименее цепки, а энергетика жеста, словесный напор, интонирование и ужимки лишь прикрывают то, что он порой не находится (или как бы не находится), что сказать. Спрашивает, к примеру, девушку: «Скажите мне, пожалуйста, вы ведь проходили перед программой медосмотр?» Девушка глупо хихикает и подтверждает. «Я хочу вас спросить, что вам сказал...» — Фоменко делает многозначительную паузу, рассчитанную на то, что зрители подумают о гинекологе или венерологе, — «...окулист?» Дружный смех. «Видит!» — отвечает девушка Лиза, почему-то в третьем лице. «Видит!»? Отлично! — торжествующе кричит ведущий, хотя ответ не давал никакого повода к ликованию. «Эх, ты!» — думает настроившийся на его волну зритель и резонирует про себя: «И что же она видит, наша Лиза? Вернее, что она увидит? Хо-хо! А увидит она, как ее сек... сегодняшний партнер снимет с себя сразу пять вещей! Поехали!»

Фоменковский стиль складывается из нескольких элементов. На пластическом и мимическом уровнях пародируются все мужские и женские проявления любовно-сексуальных чувств и их экранные изображения: ведущий страстно дышит, закатывает глаз-

ки, вперяет огненные взоры, имитирует девичью стыдливость или принимает томные позы. Причем все это, используя выражение Толстого о Куззове, часто делается с видом насмешки над тем, кто бы в самом деле так делал.

На словесном уровне виден прежде всего стебательский пафос. Допустим, гостя передачи работает на швейной фабрике. В бровастые годы ведущий передачи «Ударица» на голубом глазу (хотя это уже тогда казалось пародией) сказал бы: «Вот она, простая советская девушка Таня, скромная труженица иглы и челнока...». Фоменковская имитация могла бы звучать так: «Вот она, наша Таня, Танечка, Танюша, где-то даже Танюшечка, не очень, прямо скажем, скромная, но очень русская девушка. В рабочее время Таня одевает других, а в свободное от работы готова раздеться сама...»

Второе слагаемое — обрутальное галантерейное обращение, но не столько к объекту, сколько к публике. Что-нибудь такое: «Боже, мой! Что я вижу! Какая грудь! Я просто падаю оттого, как поднимается и прямо-таки трепещет грудь нашей Люды, освобожденная от этой смиренной рубашки! Вот ответ на философский вопрос, может ли худая девушка дышать полной грудью — может!»

И последнее: «Империя страсти» — пародия на прочие телеигрища. В интонациях Фоменко слышатся то Якубович, то Пельш, то Масляков, то Меньшова, то Познер, хотя явное пародирование ведущих в программе не запланировано.

Передачи Фоменко имеют один недостаток: культурно-му человеку незачем их смотреть. С ними любопытства ради можно познакомиться, чтобы в дальнейшем не включать: ничего принципиально нового вы уже не увидите. Они крутятся, как заведенный механизм, и в этом отношении не отличаются от «Поля чудес», «Угадай мелодию» и любой другой масс-культурной передачи. Для телеиндустрии — это огромное достоинство: оно позволяет длить программу до бесконечности.

Виктор МАТИЗЕН.